

ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОРИЯ

Принято считать, что роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» ценен, прежде всего, своей исторической правдой и фактологической достоверностью, что он является не только художественной летописью, но и источником исторических сведений. При этом предполагается, что историчность романа более важна и более драгоценна, чем собственно его художественность, образность, чем его духовно-мировоззренческая основа, вне которой постичь творение духа невозможно. Да и понятно, ведь по давней недоброй позитивистской и материалистической традиции считается, что образность, художественность — это нечто вроде украшения, некое изящество и благозвучие, и не более того. А потому, это — нечто необязательное. Хорошо, мол, когда оно есть, но можно вполне обойтись и без него... И всё бы ничего, если бы такое упрощённое представление не было столь распространённым, не становилось на наших глазах всеохватывающим и подавляющим. Если бы оно, в конечном счёте, не искажало в общественном сознании саму природу и сущность литературы.

Между тем, историчность и достоверность произведения художественного является только непременным условием для образного постижения и изображения жизни. Можно даже сказать, что там, где историк заканчивает своё дело, художник его только начинает. Это — вовсе не укор историкам, у которых свои задачи, это особенность восприятия образности, художества вообще. Ведь те или иные исторические сведения мы можем почерпнуть не только из художественной литературы. Более того, из других источников мы можем почерпнуть более надёжные факты. А потому, если историчность почитается конечной целью прочтения литературы, то получается, что литература, вроде бы, и ни к чему. Словно можно обойтись и без неё... В то время как художественность, образность дают человеку то, что никакая иная форма сознания ему дать не может, являясь основным условием интеллектуального развития человека. Ведь только через образное, духовное воззрение мы можем приблизиться к тайне человеческого бытия. Так было изначально, так остаётся всегда. И там, где в силу каких-то попущений и допущений, происходило отступление от духовной природы человека, а это не однажды в истории бывало, происходило крушение цивилизаций и падение народов.

Как неизбежное следствие утраты смысла существования. Потому Христос и говорит притчами, то есть образами и иносказаниями, что многим людям не дано знать тайны Царства Небесного, то есть смысла своего существования, без чего человек жить не может: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Евангелие от Матфея, 13;13). «Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им» (13; 34). То есть, притчевое, иносказательное, образное мышление есть верный путь к постижению тайны человеческого бытия.

И наоборот, когда город крепкий, «великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу», тогда уничтожается и искусство: «И голоса играющих на гусях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже слышно в тебе никакого художника, никакого искусства, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе» («Откровение святого Иоанна Богослова», 18: 22). Стало быть с уничтожением искусства прекращается и шум жерновов, то есть всякая хозяйственная жизнь...

В наше позитивистское, материалистическое время духовный смысл жизни, да и самой истории оказался заслонённым иными, побочными, второстепенными явлениями и соображениями, далёкими от существа человеческого, оказался загромождён «цивилизацией». Вот характерное, типичное суждение исследователя Сергея Семанова, влюблённого в «Тихий Дон», составившего реестр, список героев, персонажей романа, преклонявшегося пред мудростью автора и встречавшегося с ним: «Поражает удивительная, не имеющая подобия в классической даже литературе, историческая достоверность шолоховских описаний. Они таковы, что «Тихий Дон» является не только художественной летописью, но и историческим источником по изучению великой русской революции» («Православный «Тихий Дон», М., «Наш современник», 1999).

Заметим, что творение художника является, по автору, источником для изучения революции, а не опорой для постижения духовного смысла бытия. Так оказались перепутанными начала и концы в этом материалистическом мире.

Как видим, предпочтение отдаётся роману как историческому источнику, а не как величайшему творению человеческого духа. Его невероятная образность, духовно-мировоззренческая основа подразумевается чем-то само собой разумеющимся, не требующим объяснений. На самом же деле, именно эта основа романа в первую очередь требует объяснения, уяснения и постижения. Именно она осталась всерьёз не рассмотренной и, по сути, не изученной. При всём при том, что какие-то исторические аспекты М. А. Шолохов постиг намного глубже, чем собственно историческая наука. Скажем, то же вёшенское восстание, которому в романе отдаётся столь много места. «Автор становится исследователем, — справедливо писал Ф. Бирюков, — опередившим по ряду научных откровений профессиональных историков». В. Васильев: «Почти не нашедший места в отечественной исторической литературе, вёшенский мятеж и сегодня известен нам благодаря «Тихому Дону», где ему отведена едва ли не четверть романа» («Тихий Дон», М., Военное издательство, 1995). И вовсе не случайно вёшенское восстание остаётся не постигнутым нашей исторической наукой с такой глубиной, как это сделано М. А. Шолоховым в «Тихом Доне». Оно изначально не соответствовало и до сих пор не соответствует тому представлению о революции и Гражданской войне, которое было принято как «каноническое», в согласии с господствовавшей официальной идеологией. И остаётся таковым вплоть до сегодняшнего дня. Ни в коем разе не хочу упрекнуть глубоких и честных исследователей. Они изучили «Тихий Дон», насколько это было тогда возможно, исполнив свой долг.

Даже такой пронизательный и смелый критик и литературовед, как Н. Фёдь, видевший всемирный характер революции и Гражданской войны в России, писавший

о том, что автор «Тихого Дона» «раньше и глубже всех осознал весь трагизм исторического бытия XX века — века всеобщего кризиса, особенно — сознания», всё-таки остаётся преимущественно на историческом, а не духовном понимании романа: «Шолохов судит с исторической точки зрения: братоубийственная война носит преходящий характер, и не является отражением сущности человеческой природы». («Парадокс гения», М., «Современный писатель», 1998). В этом суждении особенно наглядно видно, как чисто «исторический» подход к «Тихому Дону» не проникает в его истинный, духовный смысл. Ведь в братоубийственной войне, наоборот, духовная природа человека сказывается и проявляется в полной мере. Да и преходяще ли братоубийство со времён Каина?.. Иначе почему герои «Тихого Дона», обеих противостоящих сторон, называют друг друга не только политическими противниками, но Каинами? В равной мере. Причём, не только в разговорах, но и в официальных документах (в приказе № 100, приведённом в тексте романа). Мы ещё коснёмся этого аспекта, а пока обратим внимание на то, что многие участники революционной драмы объясняли происходящее не тем или иным революционным «учением», получившим распространение, не той или иной идеологией, а именно библейскими представлениями. Скажем, И. Бунин в «Окаянных днях»: «Каин России, с радостно-безумным откровением бросивший за тридцать серебрянников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью»...

Оценка же «Тихого Дона» с точки зрения победителей или побеждённых в братоубийственной Гражданской войне не может быть объективной, полной и окончательной. Так же, как не может быть объективной оценка земного бытия человеческого по логике Каина или Авеля исключительно. Не потому, что у каждого «своя правда», а потому, что то и другое не есть целое, а лишь часть его, лишь одна сторона человеческого бытия и природы человека...

Да и в «Тихом Доне» этот библейский смысл происходящего является, можно сказать, основным. Дед Гришака задаёт Григорию Мелехову отнюдь не риторический вопрос: «Бог — Он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит?». Но именно этот основной библейский смысл «Тихого Дона» остался, по сути, не объяснённым.

Пётр Палиевский, считавший так же, что в «Тихом Доне» дана «как бы точка зрения самой истории», справедливо писал о том, что художественный мир М. А. Шолохова «так трудно уловим для профессионально-литературного подхода, столь распространённого..» («Шолохов и Булгаков», М., ИМЛИ РАН «Наследие», 1999). Да и как могло быть иначе, если литературоведение и критика, как никакой иной вид творчества, зависимы от господствующей идеологии и от расхожих представлений, нередко ложных. Как может быть иначе, если материалистическое миропонимание, насаждаемое огнём и мечом, кажется, окончательно восторжествовало, подавляя и отбрасывая всё живое. Причём, насаждаемое издавна и не только властями, а «лучшими» людьми, «прогрессистами», революционными демократами и всякого рода революционерами. Разумеется, во имя «цивилизации» и «прогресса». В литературоведении и критике высшим критерием почитался «исторический» подход. А «против антиисторизма» велась борьба на уничтожение. Хотя «историзм» этот был лишь соответствием догматам официальной, господствующей идеологии.

Литературовед Л. Якименко в своё время писал о том, что «Тихий Дон», как поистине великое произведение, «стал в современном литературоведении и критике одним из решающих испытаний для исследователя», так как исследователь «сталкивался с рядом сложных вопросов, рождённых взаимодействием действительности и искусства» («Вопросы литературы», № 7, 1968, «Литература и современность»,

М., «Художественная литература», 1969). То есть, по отношению к М. А. Шолохову оценивался исследователь. Проходил «проверку» по оценке: «свой» или «чужой»... Получалось нечто вроде круговой поруки, когда исследователю воздавалось по его отношению к писателю, помимо, конечно, деклараций о величии его творения. Такая «методология» трагедию Григория Мелехова видела в трагедии «неверного, ошибочного выбора»: «В романе вершится суд истории над Григорием Мелеховым, суд с точки зрения победившей революции, со всеобъемлющих позиций коммунистического идеала». Надо понимать, насколько исследователь следовал поиску в «Тихом Доне» идеологического идеала, по этому он оценивался. Но очевидно, что это был не «суд истории», а суд тех, кто взял на себя право говорить от её имени. Да и был ли идеал «всеобъемлющ»... Как увидим далее, в «Тихом Доне» вершится не суд «истории», а Божий Суд...

И поскольку Григорий Мелехов является безусловным выразителем народного отношения к происходившей трагедии, то и судился, по сути, народ, не желавший принимать такие «идеалы», в которых не находилось места Богу, да и самому народу. В этом и была истинная причина трагедии, а вовсе не в том, что неразумные герои романа не понимали всех выгод следовать чуждому им «идеалу»...

И вот «цивилизация» и «прогресс», в конце концов, восторжествовали. Но оказалось, что — ценой умаления человека, когда опять «всякая плоть извратила путь свой на земле»... Не слишком ли большая плата?

Как может такое материалистическое сознание постичь творение духа, если вера для него — это нечто несуществующее и якобы заменяемое «наукой»: «Такое отношение к событиям, теориям и даже вымыслам, когда они принимаются за достоверные и истинные без доказательств. В этом смысле вера — антипод знания». И это при том, что всякий человек не может жить без веры по самой своей природе. А коль веры «нет», то религии, по которым народы жили и живут тысячелетиями — и вовсе какие-то недоразумения: «Это — одна из форм общественного сознания, извращённое, фантастическое отражение господствующих над людьми природных и социальных сил... корни религии связаны с чрезвычайно низким уровнем экономического развития, в результате чего человек постоянно чувствует себя зависимым от сил окружающей его природы» («Краткий словарь по философии. М., Политиздат, 1982).

То есть, религия и вера, надо полагать, лишь следствие низкого уровня развития человека. А стало быть, они отомрут непременно. Вот догмат самонадеянного разума.

Такое «учение», отрицающее саму природу человека, то есть, исключающее самого человека из жизни, разве не является неким вывихом лукавого разума? Ведь тем самым, оно, вопреки уже имеющемуся опыту, опять и снова выстраивает себе на погибель всё ту же мыслительную, в разных формах проявляемую, Вавилонскую башню.

Мне даже кажется, что если бы «Тихий Дон» был прочитан в своё время с точки зрения духовно-мировоззренческой, через библейские представления, столь явные в его тексте, если бы критикой и литературоведением был представлен духовный смысл романа, а не подгонка его под историю «классовой борьбы», согласно революционной теории, это, конечно, не остановило бы его хулителей, но осложнило бы их неприглядную деятельность. Несоответствие «передового» учения тому, что в действительности есть в романе, было бы более очевидным.

А нападки на «Тихий дон» и его автора начались изначально, с 1929 года, когда до завершения романа было ох, как далеко — целых двенадцать лет. Апологеты позитивизма, материализма и безбожия, столь преобладавшие в обществе, сразу же учуяли в «Тихом Доне» и его авторе угрозу и опасность своим плоским, а то и откровенно

примитивным воззрениям и убеждениям. Само появление «Тихого Дона» обнажало ничтожество их воззрений. И они повели борьбу против романа и его автора. И этого очевидного факта не могут скрыть никакие декларации о поисках «правды». Это и есть истинная причина нападков на «Тихий Дон», начавшихся изначально, задолго до его завершения. Нынешние же его ниспровергатели являются лишь продолжателями неприглядного и несправедливого действия.

Характер «установления авторства» романа «Тихий Дон» не выдерживает никакого научного уровня — ни исторического, ни филологического, ни текстологического. Это — за пределами науки. Но ведь этим лукавым поделкам отдавалось предпочтение. Они вполне серьёзно публиковались в толстых литературных журналах. Нет ничего удивительного в том, что после такого и подобного литературного блуда толстые журналы, как уникальное явление нашей российской культуры, перестают существовать.

Николай Михайлович Федь в своей, уже помянутой книге «Парадокс гения», насчитал пять покушений на М. А. Шолохова... Здесь, меня, конечно же, упрекнут в конспирологическом подходе, как якобы для серьёзного исследования недостойного и недопустимого. Эта «боязнь» конспирологии не может не удивлять. Все, как межгосударственные отношения, так и внутриобщественные противоборства так или иначе состоят из конспирологии — стремления сокрыть нечто от соперника или как теперь иронически говорят, «партнёра», ввести в заблуждение, выдать происходящее в каком-то ином, а не в его истинном значении, чтобы, в конце концов добиться своего интереса. И это вполне естественно и понятно. Непонятно и абсолютно ничем не мотивировано другое: почему разбирать, анализировать, что называется, распутывать эти сокрытые перипетии якобы не достойно серьёзной науки? Не потому ли, и не для того ли, чтобы происходившее оставить не на фактологическом и метафизическом уровне, а на идеологическом или и вовсе демагогическом, чтобы никогда не добраться до истины? Похоже, что так. Но теперь когда, казалось бы, известны многие факты, когда кажется, открылась возможность не впасть в новую идеологизированность, которая ещё хуже прежней, что уж столь наивно «снизвергать» «Тихий Дон»?.. Необразованные, нечуткие, но тщеславные люди десятилетиями занимаются сальеризмом и смердяковщиной. Видимо, не ведая о том, что тем самым, они рассказывают не о «Тихом Доне», не о его авторе М. А. Шолохове, а о себе. Всему свету демонстрируют своё интеллектуальное ничтожество, насколько этого не стеснялся. Значит, их пониманию недоступно то, что естественно для всякого живого человека: не то, что входит в уста оскверняет человека, а то, что выходит из уст оскверняет человека. Или же делают это умышленно, вполне осознавая, чем именно они заняты. Но делают это потому, что на него есть «спрос». Такое вот самоутверждение. Любим, каким угодно образом заявить городу и миру о своём существовании. Но это ведь ещё более постыдно, чем духовная слепота и нищета...

«ТЕМА» ПРАВОСЛАВИЯ

Рассмотрение «Тихого Дона» в русле библейских представлений менее всего следует сводить к бытовой стороне. Мы не можем духовный смысл «Тихого Дона» сводить к обывательскому вопросу о том, в какой мере М. А. Шолохов был человеком верующим. Такой вопрос ничего не выясняет. К тому же он некорректен, так как пути гения неисповедимы. Отсюда недалеко и до вовсе упрощённого представления: коль он жил в атеистическое, безбожное время, значит, он был атеистом. Если в молодости

венчался с Марией Петровной в храме, значит — чуть ли не насильно. На этот счёт нет никаких свидетельств. Как и должно в вопросах веры. Это только слабые натуры ссылаются на то, что их так учили, запрещали верить и читать Священное Писание. Оправданием это быть не может. Значит, истины не особенно и хотелось, если запрет стал препятствием к ней. Кто хочет, тот может.

Конечно, можно с определённой достоверностью установить, где Михаил Александрович мог читать Библию в своё атеистическое время. Обучаясь в Богучаровской гимназии, он жил на квартире учителя Закона Божия Д. Тишанского, у которого была богатая библиотека. В станице Каргинской брал книги из библиотеки священника о. Виссариона. Общение с учителем Д. Тишанским могло быть случайным. Так совпало, что он оказался у него на квартире. Совсем иное дело, когда он, молодой человек, сам брал церковные книги для изучения у священника о. Виссариона. И надо полагать, постигал Священное Писание под влиянием этого священника.

Тесть Шолохова Громославский был псаломщиком Букановской церкви, у которого тоже была церковная и богослужебная литература. Да мало ли где мог писатель читать Библию, живя в Москве и на Дону и имея широкий круг общения. Важно другое. С какой целью он обращался к библейским текстам в романе. Какие художественные и мировоззренческие задачи разрешал таким обращением к Священному Писанию. А такие задачи, безусловно, были. В каждом случае вполне определённые. И не такие очевидные, как это принято считать. Да, М. А. Шолохов, судя по тексту «Тихого Дона», хорошо знал Священное Писание. С самой юности у него было много возможностей читать Библию. Он много общался со священниками. Сама жизнь сводила его с ними. Но кто именно дал ему ту Библию, которую он использовал в работе над «Тихим Доном» мы, видимо, никогда не узнаем. Да это, может быть, и не столь важно пред тем фактом, что писатель выбрал именно такую Библию, что, уже не могло быть случайностью.

Текст «Тихого Дона» однозначно говорит о том, что писатель не просто хорошо знал Священное Писание. Библия была для него не только историческим источником, какой она является для людей «просвещённых», мыслящих «прогрессистки». Иначе, почему основным содержанием романа «Тихий Дон» стало отношение к Богу и к вере? То, как люди сохраняют веру и как и почему её теряют. Как и почему бунтуют против Бога. Другое дело, что этот аспект «Тихого Дона» в силу известных идеологических обстоятельств упорно не замечался и игнорировался. Причём, эта основная сторона романа игнорировалась не из страха, а потому, что исследователи, сами томимые безверием, не считали её важной. А это — совсем не то, что просто запреты. Но это к выдающемуся творению отношения уже не имеет... Вот главное, избранное М. А. Шолоховым в романе. А ужасы происходившего, безобразие войны — уже только неизбежное следствие этого: отпадения людей от Бога, утраты ими веры. Точнее, следствие того, что они стали верить иным, чужим богам в родных пределах. Так как без веры человек, как существо не только природное, социальное, но и духовное жить не может, точнее будет говорить не об утрате веры, а о смене веры — *своей природной на чужеземную*. А это уже совсем иное состояние человека и его положение в мире.

Что пред этим, так глубоко постигнутым в романе М. А. Шолоховым, ответ на вопрос о том, был ли он верующим. Ответом на такой вопрос это не устанавливается, а потому он просто риторический...

Нельзя сказать, что в последнее время исследователи не уделяют внимания христианской, православной основе «Тихого Дона». Вот и сборник статей появился «М. А. Шолохов и православие». (М., 2013). Исследователи, хотя зачастую декларативно, не подтверждая свои выводы анализом текста романа, но совершенно справедливо

утверждают, что православная основа «Тихого Дона» есть постижение и изображение писателем народной жизни: «Сознательное принятие автором «Тихого Дона» христианских принципов и ориентиров как данности народной жизни» (Н. И. Стопченко). «Он показал своих персонажей как воплощение народных православно-христианских ценностей, которые складывались веками и стали кодексом нравственного и социального поведения» (А. П. Чалова). «Мы можем с полной уверенностью и ответственностью утверждать, что «Тихий Дон» и иные произведения писателя являются истинно православными художественными произведениями» (С. Н. Семанов). Но после столь долгого атеистического времени в официальной идеологии такие крутые «возвращения к вере», обращения к Богу не могут не иметь своих издержек, даже в писательской среде. Это надо отметить обязательно, так как ниспровержение Бога может быть и в форме, вроде бы, возвращения к Нему. В этом нет ничего удивительного, «ибо многие придут под именем Моим»... Кажется, об этом — стихи С. Хохлова: «Какая страшная эпоха./ Хоть плачь, а нету ничего. / Спасибо, нам вернули Бога/ Ниспровергатели Его». К сожалению, даже в писательской среде обращение к вере понято лишь как «тема»: «Мы не можем обходить, да и не обходим тему православия, тему веры». Была у нас в литературе производственная тема, деревенская, военная, а теперь наступило время «темы» веры, «темы» православия. Но вера не может быть просто «темой» литературы. Так же, как вне христианского мировоззрения невозможно понять золотой период русской литературы XIX века, да и литературу последующего времени. О «теме» веры в литературе может говорить тот же атеист, сориентировавшийся в связи с новой ситуацией в обществе, когда обращение к Церкви стало престижным и выгодным. Впрочем, мне приходилось уже писать об этом на страницах «Литературной газеты» — «Нас отравившая свобода» (№ 17, 2014).

Или — распространено самое общее представление, а потому и беспредметное, нечто вроде, — «просто хорошая литература» это и есть христианская, православная. В духе «общечеловеческих ценностей», которые «всегда будут находить отклик в сердцах читателей». (Казалось, что эти пресловутые «общечеловеческие ценности», сыгравшие столь трагическую роль в нашем недавнем прошлом, уже забылись...) А потому и «советская литература была по сути христианской, хотя и советской» (Александр Сегень, «Зарядиться человечностью», «Литературная газета» № 28, 2018). Словом, «человечность» и есть православие... Прямо скажем, слишком уж приблизительно, настолько приблизительно, что невольно возникает вопрос: а при чём здесь христианство? Понимать христианское как нечто вообще хорошее и только — этого явно недостаточно для его постижения. Или это новая риторическая форма его игнорирования? Уверовать — это не только познать «любовь», «добро» и «человечность», но и то, что Он несёт «не мир, а меч». И это — не фигура речи, а трагическая участь. Как у А. Блока: «Пред ликом родины суровой я, закачаюсь на кресте»...

Соотношение веры и художественного творчества во всём своём драматизме давно постигнуто в русской литературе. А потому я отсылаю читателей к удивительному и загадочному стихотворению М. Ю. Лермонтова «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...») и к последним стихам выдающегося поэта нашего времени Юрия Кузнецова «Поэт и монах», оставленным нам, как завещание...

Надо сказать, что «непонимание» литературы было всегда и является в определённом смысле естественным. Оно заложено в самой природе литературы, призванной постигать духовный смысл жизни и духовную сущность человека, которые в повседневности заслоняются и подменяются иными, второстепенными представлениями. А потому некоторая противопоставленность жизни и литературы неустраима.

А. Блок называл это «великим вопросом»: «Великий вопрос о противоречии искусства и жизни существует искони». Об этом же писал в «Русской мелодии» М. Лермонтов, свой поэтический мир представляя как «мир иной»: «В уме своём я создал мир иной./ И образов иных существованье,/ Я цепью их связал между собой,/ И дал им вид, но не дал им названья». Н. Гоголь несколько иронически писал: «Знаете ли, что в Петербурге, во всём Петербурге, может быть, только человек пять и есть, которые истинно и глубоко понимают искусство, а между тем в Петербурге есть множество прекрасных, благородных, образованных людей». В дневнике 1915 года М. Пришвин записывает: «Понимающих литературу так же мало, как понимающих музыку, но предметом литературы часто бывает жизнь, которой все интересуются, и потому читают и судят жизнь, воображая, что они судят литературу».

Однако материалистическая критика это естественное свойство литературы определила и выставила чем-то беспредметным и несуществующим — «искусством для искусства». Мол, это нечто, чем художники занимаются между собой, а читателям знать об этом и вовсе без надобности. В то время, как учить людей понимать искусство, литературу — является первой задачей педагогики.

Такое противоречие жизни и литературы было всегда. Но совсем иные времена наступили, когда восторжествовало материалистическое воззрение с его безбожием, богоборчеством и атеизмом. Но и тогда такое насилие могло исказить многие представления, но не отменить природы литературы: «Поэт — величина неизменная... сущность его дела не устаревает» (А. Блок). Но «вредный характер нашей литературы», как иронически писал Н. Страхов, сохранялся и тогда. То есть, оставаться собой, не терять своего предназначения, не подпадать под влияние иных, упрощённых представлений: «Ничего нет мудрёного, что ни наши ретрограды, ни наши прогрессисты одинаково не понимают дела, совершаемого литературою; понятно также, почему они всячески преследуют её и унижают: она им мешает, заслоняет им свет» (Н. Страхов).

И поэт остаётся наедине со своим «старинным делом», которое не устаревает. И от него одного зависит, устоит ли он, впадёт в соблазны этого мира или нет. Никаких оправдательных и извинительных доводов тут быть не может: «Мой крест несу я без роптанья:/ То иль другое наказанье?/ Не всё ль равно? Я жизнь постиг;/ Судьбе как турок иль татарин,/ За всё я ровно благодарен/ У Бога счастья не прошу/ И молча злю переносу» (М. Ю. Лермонтов).

А потому в оценке произведения художественного следует апеллировать не к «жизни», что кажется неоспоримым, не к тому, насколько изображаемое соответствует действительному, словно литература занята натурализмом, а — к духовной природе человека, к тому, как она сказала и проявилась в тех или иных исторических обстоятельствах, к народному самосознанию, к литературной традиции, к образной природе самой литературы. Иначе мы обязательно будем устраивать над персонажами «суд истории», словно ею самой уполномоченные, и обязательно из такого суда выйдет то, что, скажем, Григорий Мелехов сделал «неверный, ошибочный выбор»...

Это вовсе не какая-то отвлечённость, якобы уводящая от реальной жизни, а непременное условие всякого искусства, которое постигает жизнь лишь в той мере, в какой оно остаётся искусством. Иначе мы впадаем и вовсе в какую-то тупость Н. Чернышевского о том, что яблоко настоящее лучше нарисованного. Это, безусловно, духовная и интеллектуальная капитуляция пред многообразием и сложностью мира и человека.

Никаких чисто утилитарных, узкопрактических задач литература не имеет. Кто вменяет ей эти задачи, тот, может быть, и невольно, её искажает и способствует её вытеснению из общественного сознания.

Наверное, о «Тихом Доне» можно сказать и так, как писала о нём критика и литературоведение советского периода истории, что в романе исследуется социальная природа человека. При этом социальности отдавалось явное предпочтение перед духовностью. А потому такая оценка романа хотя и верная, но далеко не полная. Можно сказать и так, что «в книге большого художника соотносится родное и вселенское, частное и общечеловеческое». Но вот каким именно представлялось это соотношение родного и вселенского теоретиками и идеологами той поры, было довольно странным, если не страшным: национальное якобы должно смениться интернациональным, а потом и общечеловеческим. Именно смениться, именно взамен. Но, как известно, как уже проверено жизнью, без родного и вселенское без надобности. Да его и не бывает этого, якобы несущего благо «всеединства». Хотя его зловещий призрак висит над человечеством как искушение и проклятие во всякого рода глобализациях. Это только некоторым «религиозным» философам да революционным демократам представлялось, что национальное в народе является препятствием на пути к прогрессу, что оно ограничивает и обособляет. А потому и предлагался рецепт народного самоубийства, через труднообразимое «национальное самоотречение» (В. Соловьёв). Но общечеловеческая казарма или тюрьма намного страшнее каких бы то ни было «тоталитаризмов» в отдельных странах и народах... Так как утрачивается всякая возможность сокрушения их извне.

В том-то и дело, что в человеке и в народе воплощается и родное, и вселенское в единстве, и одновременно, а не взамен. А потому, в «Тихом Доне» и нет обещанного литературоведами и, вроде бы, ожидаемого перехода «национального в интернациональное — общенародное, а затем в общечеловеческое» (Л. Ф. Ершов, Е. А. Никулина, Г. В. Филиппов, «Русская советская литература 30-х годов», М., Высшая школа, 1978). Замены национального интернациональным, как якобы более драгоценным, не произошло, и не происходит. И не может произойти. Изображённое в «Тихом Доне» кричаще противоречит этому наивному и умозрительному представлению, тотальное навязывание которого, стоило русскому народу таких больших трагедий и неисчислимых жертв...

И всё бы ничего, если бы такое, только «социальное» прочтение «Тихого Дона» не искажало его смысл, по сути, на прямо противоположный. Вот расхожее представление: Григорий Мелехов «отринул старый мир, а правды нового мира, утверждающегося в борьбе, крови и страданиях, он не понял, не поверил ей, и в конце концов оказался в страшном одиночестве» (Л. Якименко. «На дорогах века», М., «Художественная литература», 1978). Да не было ещё этого «нового мира», и никто не знал, каким он будет «после всего этого». Не по предписаниям же исключительно революционных догматиков он создавался, а народом, «творчеством масс». После краха державы новый мир утверждался в борьбе уже с той самой революционной «теорией», которая разрушила жизнь.

Это такие недалёкие люди, как Мишка Кошевой, вооружившись революционной догматикой, наделённые властью, продолжали крушить всё вокруг себя. Григорий Мелехов наоборот говорит Кошевому: «Так в семнадцатом году говорили, а теперь надо новое придумывать!».

То есть, коль старый мир разрушен, пора создавать новый, налаживать жизнь, а не продолжать её разрушение. Но такие люди с революционным сознанием как Мишка Кошевой, захваченные революционным анархизмом, на это не были способны, а потому и продолжали свергать, разрушать, воевать... Для них важнее было, по их ограниченности, торжество догматики, а не новой жизни. Что же касается «страшного одиночества» Григория Мелехова, то несущих правду всегда немного и они всегда

одинок. Ну а правда, как понятно, определяется отнюдь не парламентским большинством... И она остаётся в романе за такими как Григорий, а не за такими начётчиками как Мишка Кошевой.

Но самые пронзительные читатели и критики «Тихого Дона» и в советский период утверждая, что это «сама история», вместе с тем чувствовали поднимающуюся с его страниц мощную, невероятную силу народного духа, удивлявшую тем, как она могла сохраниться, как могла уберечься после духовных и социальных потрясений: «Происходит поэтическое чудо, которому трудно дать логическое объяснение» (А. Макаров, «Поколения и судьбы», М., «Советский писатель», 1967).

«НЕПРАВИЛЬНЫЕ» БОГИ

Мне-то всего лишь и хотелось сказать о том, что «Тихий Дон» М. А. Шолохова — уникальное явление во всей русской литературе. Это не исторический, не семейно-бытовой, не военный роман, каким его пытались и всё ещё пытаются выставить. Мне-то всего лишь и хотелось указать на то, что без рассмотрения его библейской и православной основы невозможно понять, что именно изображено в романе, что он вообще собой являет. Мне-то и хотелось всего лишь призвать исследователей, если такие ещё сохранились, отбросить позитивистскую, материалистическую оснастку, как бесполезную, и заняться духовным смыслом «Тихого Дона». Но основные понятия в нашем общественном сознании всё ещё остаются истолкованными в согласии с революционным сознанием, то есть превратно. Слишком далеко мы уклонились от первоначальных и истинных представлений о человеке и о литературе. Словно не замечая того, что история русской литературы у нас выстроена в согласии с историей революционной борьбы, «освободительного движения» в собственной стране. По сути, история народа, духовный смысл истории варварски подменён историей революционной борьбы, что чревато новыми потрясениями. На такой мировоззренческой основе невозможно само наше народное и государственное бытие...

Роман «Тихий Дон» — о революции и Гражданской войне, о грандиозной духовно-социальной катастрофе. А это значит, что надо честно рассмотреть природу всякой революции, как феномена мировой истории, выявить её духовный смысл, а не повторять идеологемы самих революционеров, формулируемых ими в своё оправдание. Наша история и наша народная судьба принадлежит не только им. Судя по революционному XX веку, по итогам двух в одном веке сокрушений русской государственности, она им принадлежит менее, чем кому бы то ни было.

Я не против революций. Да и смешно было бы «хотеть» или «не хотеть» их, если это — неуправляемая стихия, с которой и царям не совладать. Что делать, коль они наступают с железной неизбежностью и причины их не вполне ясны. Предлагавшиеся социальные причины — о равенстве и братстве это — не причины. Социальные только объяснения их — не объяснения. Я всего лишь о том, что истинные причины революций люди должны хотя бы приблизительно понимать. Правда, это понимание и знание, как уже бывало, не удерживало их от соблазнов и ровным счётом ничего не изменяло...

Первое и главное: всякая революция имеет духовную природу и первопричину, а не социальную. Социальные проблемы встают потом, на развалинах разрушенного революции. Это — прежде всего бунт против Бога. Революционер отрицает существующий порядок вещей, существующую государственность вне зависимости от того, отвечают

они интересам народа или нет. Он строит «новый мир», точнее декларирует его строительство. То есть, берёт на себя дела Божеские. Ставит себя на место Бога...

Цель революции — разрушение существующего порядка вещей. И других целей она не имеет. Всякая революция по самой природе своей является понятием отрицательным. Она разрушает существующий уклад жизни. И уж только потом на его развалинах, на иных идеях и, как правило, другими людьми ценой неимоверных усилий, страданий и жертв создается новый уклад жизни, никому пока неведомый. «Понятие революции есть отрицательное, — писал Сергей Булгаков в сборнике «Вехи», — оно не имеет самостоятельного содержания, а характеризуется лишь отрицанием его разрушаемого» (М., 1909). Никакого «созидательного разрушения» не бывает. Этот оксюморон придуман идеологами революции в своё оправдание. Да, после разрушения наступает созидание, но уже не на революционных идеях. Совсем иных, даже тогда, когда официально декларируется революционность. Никакая революция не достигает декларируемых её вершителями целей свободы, социальной справедливости, равенства. В результате революции выходит не то, что ожидалось.

Революции являются следствием преобладания в обществе и в народе некоего отвлечённого, умозрительного образа мира, насильственное насаждение которого не может не вызывать конфликты и катастрофы. Это — отклонение от естественного порядка вещей, что чуждо природе человека и законам его земного бытия. Декларации же о том, что революция совершается для народа, в его интересах является обыкновенной идеологической уловкой: «И нельзя поверить — этому положительно противоречит множество фактов, — чтобы социальная революция производилась только для блага народа, чтобы это было только гуманистическое движение, выразившееся в искажённых формах» (Н. Бердяев). Это, кстати, хорошо понимает и Григорий Мелехов, говоря о том, что «спутали нас учёные люди». То есть, «учёные люди» принесли такую «теорию», такой образ мира, на котором он существовать не может... Это «теория» разрушения, а не созидания. Декларации о том, что она якобы освобождает человека от гнёта, абсолютно не соответствуют реальности.

Революционер приходит в этот мир не познавать его, а перекладывать. Причём вне зависимости от того, каков этот мир, порочен он или совершенен. Причина его деятельности, его бунта находится не в мире, а в нём самом.

Почему революционер, борющийся за свободу человека, в конечном счёте, умаляет человека? Это имеет глубокую духовную и метафизическую основу. Ведь человек создан по Божьему образу и подобию. Снизвергающий Бога, разве оставит в покое человека?.. Революционер, ставя себя вместо Бога, тем самым хочет, чтобы люди были по его образу и подобию, а не по Божьему. И ведь «исправляет» людей, предпринимает безумие «перековки» их. А как иначе, если его цель и задача — исправление рода человеческого... Такая декларация свободы и вместе с тем умаление человека объяснима тем, что революционное «учение» строится «на признании безусловного примата общественных форм пред естеством человеческого духа» (М. Гершензон, «Вехи»).

Свобода же человека выходит из всей его жизни, если выходит вообще. Это вершина всего его развития. Революционер же поступает наоборот, начинает со «свободы». Причём, не в качестве идеала, а потому, что его воззрения на метафизическом уровне свободы не предусматривают и не предполагают...

Какой-то непростительный блуд ума и соблазн души. Причём, не зависящий от уровня цивилизации общества, образованности людей. Это такой феномен, который не изживается образованием и наукой. Он присутствует во всяком обществе всегда, изменяя свои формы проявления. И вызывается отнюдь не социальной несправедливостью и не тем, что «душа моя страданиями человеческими уязвлена стала».

Скорее, какой-то неизбежной потребностью, заложенной в человеке, заявить о себе в этом мире. Одерживая верх, революционер устраивает такую диктатуру, приносит такие страдания человеческие, какие не идут в сравнение с дореволюционными. Да и понятно, ведь разбуженный в народе анархизм, пробудивший хаос, надо гасить любой ценой, забывая и об идеалах, и об идеологии, обо всём...

И. Бунин заметил, что все революционеры какие-то одинаковые и неизменные. И, действительно, поражает однотипность «учения» революционеров всех времён. Но это и вселяет надежду на то, что люди в массе своей, в конце концов, постигнут его истинный смысл.

В. Белинский в письме к В. Боткину 8 сентября 1841 года писал: «Новый мир открылся предо мною. Я всё думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать... Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов». Примечательно для «великого критика», что этот открывшийся ему новый мир и счастье революции сопровождался странным вопросом: «А русские ли мы? Мы люди без отечества». И — ещё более странной враждебностью к искусству: «У меня рождается какая-то враждебность против объективных созданий искусства». И это закономерно. Такова тёмная сила этого революционного «учения», что она выжигает вокруг себя всё живое... Это неизбежный комплекс революционера.

В мире много беззакония и несправедливости, человек далеко несовершенен и совершенство его не зависит от цивилизации и прогресса. Скорее, наоборот. Это несоответствие и противоречие может становиться роковым... Я же говорю только о природе революции, об этом великом самообмане, свидетельствующем о том, на каком низком уровне развития мы все ещё находимся.

О том, что всякая революция в истории человеческой цивилизации имеет именно такой смысл, свидетельствует тот факт, что революционер непременно разочаровывается в итогах революции, разочаровывается в результатах им же содеянного. Это очень важное обстоятельство, свидетельствующее о том, что его идеи изначально были столь упрощёнными и даже примитивными, что ни к какому положительному, созидательному результату привести и не могли. Но поди ж ты, верили в созидующую силу того, что несло в себе только разрушение. Хотя лучшие умы пытались их переубедить в этом. Как мы теперь знаем, очень многие из тех, кто жаждал революции, надеялся на её благотворное обновление жизни, приближал её, сразу же разочаровались в ней. И теперь, дабы не признать свою непредусмотрительность, а по сути, интеллектуальную несостоятельность, революционер перекладывает вину на внешние обстоятельства, на то, что революция пошла «неправильно». А пойдя она «правильно», то принесла бы благотворные плоды. Какая наивность и умозрительность...

Этот мыслительный комплекс революционера, или кодекс — поражает своей умозрительностью и абсолютной оторванностью от реальной жизни. Сводится он к следующему. В благотворном огне революции должно сгореть всё плохое, а хорошее — остаться. Как слепая беспощадная стихия должна всё это разделить, им, кажется, и в голову не приходило, настолько ослеплял их положительный смысл революции.

Л. Толстой отмечает в дневнике 1905 года. Заметим, в дневнике, куда заносятся самые сокровенные мысли: «Революция только та благотворна, которая разрушает старое только тем, что уже установила новое... Русская революция должна разрушить существующий порядок, но не насилем, а пассивно, неповиновением».

Из этого откровения великого писателя мы узнаём, что революции бывают благодетельными и, видимо, неблагоприятными. И что революции бывают без насилий. Но если так, то это уже не революции, а нечто иное. И что примечательно, уже в самом начале революционной эпохи Л. Толстой «распознал» «обновляющую» силу революции, её мировое значение и преемственность: «Как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же и призваны русские в 1905». На эту обновляющую силу французской революции, как и всякой иной, можно привести чудовищный факт, прямо-таки символ революции. У тогдашней передовой европейской революционной элиты было увлечение, говорящее о её необыкновенной прогрессивности, или даже шик — переплетать книги, в том числе и священные, человеческой кожей. В музее Карнавале в Париже, хранится датированный 1793 годом небольшой томик конституции Первой французской революции, переплетённый в человеческую кожу... Была такая «техника» официально разрешённая в XVII веке, в среде высших сословий сохранившаяся даже в XIX веке («Загадки истории», № 39, 2017). Вот он, символ, образ революции — конституция в переплёте из человеческой кожи...

Н. Бердяев писал о том, что Л. Толстой «морально уготовлял историческое самоубийство русского народа» и что «Толстой сам, вероятно, ужаснулся бы этому воплощению своих моральных оценок». Ужаснулся бы тому, что сам уготовлял или нет, этого мы знать не можем. А вот с другим суждением философа нельзя не согласиться: «Возвышенность толстовской морали есть великий обман, который должен быть разоблачён». Уже хотя бы потому, что эта «мораль» находится вне православного народного понимания вещей этого мира.

Александр Блок просит благословения у Богородицы на своё неустаревающее дело поэта, на свой жизненный путь: «Ты, поразившая Деницу,/ Благослови на здешний путь./ Позволь хоть малую страницу/ Из книги жизни повернуть./ Дай мне неспешно и не лживо/ Поведать пред лицом Твоим,/ О том, что мы в себе таим./ О том, что в здешнем мире живо». И в то же время не отвергает земную Церковь, принимая её такой, какова она есть. Другой ведь нет, и только она является, скажем так, — посредником между человеком и Богом:

*Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста.
Пусть церковь тёмная пуста,
Пусть пастырь спит, я до обедни
Пройду росистую между,
Ключ ржавый поверну в затворе,
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.*

Л. Толстой в отличие от А. Блока отвергает земную Церковь, всю её обрядность, считая её излишней, отвергает посредническую роль Церкви между человеком и Богом. От веры же совсем, вроде бы, и не отрекается. Но желает получить её лично от Бога, без всяких там «посредников», хотя прямое общение с Богом для смертных невозможно. Хотел писатель того или нет, осознавал он это или нет, но тем самым, он уподоблял себя Моисею, который говорил напрямую с Богом, и получал от него для людей Откровение Завета, «которого Господь знал лицом к лицу» (Второзаконие, 34:10). Или писателя Л. Толстого Господь тоже знал «лицом к лицу»? Зная Пятикнижие Ветхого Завета Моисея и оставленные Л. Толстым писания о «поисках Бога»

и смысла жизни, мы можем однозначно говорить о том, что они не идут ни в какое сравнение по своему духовному и интеллектуальному уровню. И что самонадеянность писателя Л. Толстого была ничем не оправданной. Он лишь принял, оправдал и обосновал наметившееся в то время несчастье каинитского отпадения людей от Бога, а не противостоял этому несчастью. А потому характеристика ему дана абсолютно верно: «Зеркало русской революции», но не «эхо русского народа», каковым является другой, поистине великий русский поэт — Александр Сергеевич Пушкин. Бога ведь «не ищут». В Него верят или отвергают Его. «Искание» Бога характеризует первую стадию сомнения в Нём и дальнейшее неизбежное отпадение от Него...

«Несвоевременные мысли» великого пролетарского писателя М. Горького — то же разочарование результатами революции, свойственное почти всякому революционеру: «Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатанность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища». Странная нелогичность: уготовлял побоище, звал бурю, пробуждал безумство, а потом удивлялся, что именно это наступило. Впрочем, М. Горький «разрешил» всё просто и безмерно цинично — жестокость революции он отнёс на жестокость русского народа: «Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа». Попутно надо отметить, что русофобия революционера является неизбежной спутницей его специфического сознания. Ведь революционной ломке препятствует самобытность народа, его дух. Но жестокость и цинизм по отношению к своему народу потрясают: «Как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжёлые люди русских сёл и деревень — все те, почти страшные люди и место их займёт новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей» (М. Горький). Кто действительно был «полудиким» и «страшным» — народ, вынесший и преодолевший уготовляемое ему «счастье» или писатель, несущий такую «просвещённую дичь» со всей определённой показал революционный XX век. Но подобной человеконенавистнической селекции, которую пророчил русскому народу великий пролетарский писатель, слава Богу, не произошло...

Как человек с революционным сознанием, которому мешает всё народное, да и сам народ, М. Горький учуял в «Тихом Доне» эту подлинно народную стихию: «Когда читаешь даже такие талантливые попытки дать более или менее связную картину Гражданской войны ...как «Тихий Дон» Шолохова... всё-таки получаешь впечатление, как будто у нас из превосходного бархата делают портянки» (Письмо Е. И. Хлебцевичу, апрель 1929 года, СС в 30 т., Т. 30, М., ГИХЛ, 1956).

Какие они всё-таки единообразные, люди с революционным сознанием, как самонадеянны в своих примитивных человеконенавистнических идеях. Как неизменны эти «идеи» у представителей разных эпох, словно писаны они под копирку. Ну разве отличается чем русофобия великого пролетарского писателя М. Горького от русофобии современного либерального радикала Д. Быкова? Их суждения не то, что сходны, но абсолютно идентичны: «Россия — бросовая страна с безнадёжным населением... Большая часть русского населения ни к чему не способна, перевоспитывать её бессмысленно... Российское население неэффективно. Надо дать ему возможность спокойно спиться или вымереть от старости» (Д. Быков).

Д. Быков издаёт «Горького» в серии ЖЗЛ. Это вполне понятно и закономерно, ведь они родственные, революционные натуры, единомышленники, люди революционного типа сознания, которое во все времена и эпохи остаётся неизменным.

Невольно задаёшься вопросом: а почему нынешние неореволюционеры, верные ленинцы и горьковцы нисколько не стесняются, высказывая такие глупости? Не может же этого не понимать тот же Д. Быков, человек образованный и далеко не глупый, что это, скажем так, нехорошо по отношению к любому народу, тем более к русскому,

среди которого он живёт? И особенно в виду опыта революционного XX века. Или в самом деле уверовали в то, что пришёл «реванш»?.. Какая наивность... И приходишь к выводу, что это говорится не для «населения» России. А для ненавистников России вовне. Так они выражают им свою лакейскую преданность и верность. И всё это — всё то же ветхозаветное — служить иным, чужим богам в своей земле...

3. Гиппиус, стихи которой любил М. Горький (стихи А. Блока он не любил, считая их переделками из Верлена), хотя «её писания можно ценить, но их трудно любить» (Г. Адамович), в стихотворении «14 декабря 17 года», посвящённом декабристам, выразила и революционную «преемственность» и разочарование революцией нынешней:

*Простят ли чистые герои?
Мы их завет не сберегли.
Мы потеряли всё святое:
И стыд души, и честь земли.
Мы были с ними, были вместе
Когда надвинулась гроза.
Пришла Невеста. И Невесте
Солдатский штык проткнул глаза.*

Да, революция — невинная Невеста, это уж слишком. Какая-то беспечная романτικότητα, слишком уж не романтическая. Действительно «потеряли всё святое»... И только А. Блок в статье «Интеллигенция и революция» напомнил революционной «интеллигентшине» о её вкладе в катастрофу, постигшую народ и страну: «Значит рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастием ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг — сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), — бегать кругом и кричать: «Ах, ах, сгорим!».

Архетип всякой революции изложен в книге пророка Даниила. Царю Вавилонскому Навуходоносору, создавшему царство и сделавшему золотого истукана, снились сны. И хотя значение снов никому не было дано открыть, кроме богов, значение сна, тем не менее, толкует царю Даниил, из сынов иудейских. Толкование это сводится к тому, что как и отец Навуходоносора, так и он сам верят в «неправильного» Бога — в золотого истукана, а не в царя небесного, и значит, их царство должно быть разрушено, а они — убиты. Так и свершается: «И ты славил богов серебряных и золотых, медных и железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют, а Бога, в руке Которого дыхание твоё и у Которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от него кисть руки, начертано это писание. И вот что начертано: мене, мене, текел упарси. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твоё и положил конец ему. Текел — ты взвешен на весах и найден очень лёгким. Перес — разделено царство твоё и отдано Мидянам и Персам. Тогда по повелению Валтасара, облекли Даниила в багряницу и возложили золотую цепь на шею его. И провозгласили его третьим властелином в царстве. В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский был убит» (5: 22–29).

Чем этот архетип, этот библейский сюжет отличается от того, по которому была разрушена Россия с помощью марксизма и провокационной по сути «теории» классово-борьбы, вносящей смуту в общество? Разве только тем, что там в качестве аргумента выдвигается истинный, живой бог, а здесь — «правильная» теория, идеология, «учение», которое всеильно, «потому что оно верно»: «Марксистская идеология

стала для Запада тем тараном, с помощью которого разрушался социокультурный базис военного противника. Ясно, что этот «запрещённый приём» мог быть использован только против страны, которую по большому цивилизационному счёту, своей не считают. Но сама эффективность данного приёма связана была с тем, что внутри страны были найдены достаточно влиятельные и активные силы, которые и сами не считали её «вполне своей», связывая своё незримое отечество с Западом» (А. С. Парнин. В сб. «На перепутье (новые вехи)», М., «Логос», 1999).

Разве отличается чем-нибудь этот библейский архетип от того, как сейчас одна великая держава вмешивается в жизнь других стран и народов, под предлогом отсутствия у них «демократии» и «прав человека»? Войны, революции, перевороты как велись и свершались за своих «правильных» богов, за свою веру, так и теперь свершаются за свой образ мира, за свою идентичность, за свою ментальность... Это — прежде всего. А из этого уже выходят так называемые экономические и национальные интересы... Но первопричина, которой пытаются «оправдать» насилие и агрессию — это «неправильные» боги.

Кажется, исследователи пришли уже к стойкому выводу, что на месте убийства последнего русского царя Николая II и его семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге была начертана эта сакраментальная библейская фраза из книги пророка Даниила. Рукой какого Валтасара она была начертана? Значит тот, кто совершал это преступление, знал библейский смысл происходящего. Знал истинную природу и значение революции. Более того, был уверен в том, что именно по библейскому сюжету всё и свершается, а идеология — это так, — средство, приманка, прикрытие для достижения зловещего замысла завоевания страны...

Совершенно на тех же примитивных постулатах была совершена очередная революция в России 1991–1993 годов, либеральная и криминальная. Ведь что обещалось на мировоззренческом уровне? Обещалась вовсе не модернизация экономики, не построение более совершенного общества, и не только сокрушение советской цивилизации, как якобы «тупиковой». Обещалось сокрушение, уничтожение тысячелетней России: «Мы взяли за ломку тысячелетней российской парадигмы несвободы» (А. Н. Яковлев). Обещалась смена — подумать только — «исторической ориентации» страны, причём по западному образцу, при которой предполагалось даже уничтожение России: «Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном счёте историческую ориентацию, стать республикой «западного» типа... Свои проблемы мы должны решать сами, и, если с ними не справимся, мир спокойно отнесётся к крушению российской цивилизации» (Егор Гайдар, «Государство и эволюция», М., Евразия» 1995). Какая-то и вовсе даже логическая несваримость у этого творца новой революции. Апологию революции шулерски называл «эволюцией»... Конечно, это — своеобразный тип мышления, точнее душевного недуга, «смердяковщины», то есть отцеубийства, постигнутого Ф. М. Достоевским. Вот на какой «идеологии» была совершена «либеральная» революция нашего времени. Как и предшествующая, 1917 года, о чём писал Н. Бердяев: «Лакей Смердяков был у нас одним из первых интернационалистов, и весь наш интернационализм получил смердяковскую прививку». Понятно и законно недоумение и возмущение молодого, здравомыслящего исследователя и политика Александра Хинштейна: «Но я, убей Бог, всё — равно не понимаю: почему во имя свободы непременно требовалось уничтожить страну?» Да, действительно это трудно понять, ибо это — недуг души и сознания, не поддающийся ни рациональному объяснению, ни метафизическому анализу. О прикрытии его демагогией о всесильности «рынка» А. Хинштейн пишет точно: «Время показало, насколько примитивно-идеалистически, а порой

и преступны были такие воззрения» («Конец Атлантиды...», М., «Торговый дом «Абрис», 2018).

Если чем и отличается сюжет «либеральной» революции нашего времени от библейского архетипа, то только тем, что это убийство собственной страны и своего народа, предлагалось не представителями других народов, а, вроде бы, своими согражданами. Впрочем, и библейские времена знали эту хитрость брать себе людей «из среды другого народа», таких, которые «служили чужим богам в земле своей». И это при том, что весь Ветхий Завет буквально вопиёт предупреждениями и внушениями не служить иным, чужим богам, ибо это губительно. То есть, не впадать в труднопредставимое вообще «национальное самоотречение» (В. Соловьёв). «Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились, и не стали служить иным богам» (Второзаконие, 11:16). Да это всегда присутствовало в народном самосознании, скажем, в известной песне: «Растерял, потерял я свой голосочек/ Ой, по чужим садам летучи,/ Горькую ягоду ключючи...».

Революция совершается не по «учению», не по «теории». В результате её выходит то, чего никто не ожидал. И свершается не от недостатка, а от избытка, когда есть что «экспроприировать»...

И всё-таки революция в России произошла, что называется, по писанному, была предсказана абсолютно, с пугающей точностью. Но не в «передовых» писаниях революционеров. Они-то как раз «пророчили» совсем не то, что вышло. Революция была предсказана русскими писателями, видевшими в ней катастрофу и несчастье.

А вот то, почему эти пророчества не предотвратили революции, не удержали от падения — личность, народ, государство — это сложный, скорее психологический, чем исторический аспект, не нашедший своего осмысления и объяснения. Видимо, потому, что снова торжествуют опять-таки «прогрессивные» и «передовые» «теории», народное же самосознание снова выставляется как нечто консервативное, якобы только мешающее нашему продвижению по пути цивилизации и прогресса.

Оговорюсь ещё раз: я — только лишь о природе революции, о её сущности, а не о том, возможна ли она теперь и когда может быть возможной. Видимо, возможна. Особенно в виду того, что само понятие революции, кажется, окончательно утрачено. Им называют всё что угодно. При этом, преобладающим представлением всё ещё остаётся, что революция — это хорошо... Потому и появляются в толкованиях революции «настоящие» и «ненастоящие». «И Крым и Донбасс стали по-настоящему народной революцией» (Алексей Анпилов, «Завтра», № 32, 2018). Какая же это революция? Зачем называть этим грозным словом, имеющим отрицательное значение, священное право людей защищать свою жизнь? Ну, может быть, — освободительное движение, но не революция же. Но в результате такой подмены мы имеем то, что происходящее там не определено словом. Но коль нет слова, определяющего происходящее, то и само дело оказывается под вопросом. Так что это — вовсе не игра слов.

И поскольку те воззрения, согласно которым революция — это «хорошо» и «священно», то автор газеты «Завтра» А. Анпилов и пытается обосновать и оправдать «революцию» с помощью «Псалтири»: «Не боюсь зла, потому что Ты со мной, Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня». Но в «Псалтири» говорится о Боге, революционер же Бога свергает... Получается революция с Богом? Такого в истории ещё не бывало.

И тут же — взывания к «Русской революции», (А. Анпилов), то ли происходящей, то ли грядущей... За этим взыванием просматривается одно — неразличение и неопределение ныне происходящего. Революция у нас произошла в 1991–1993 годах.

После неё, как и после всякой революции, начинается реставрация, то есть созидание новой, никому пока неведомой государственности. После революции начала прошлого века, 1917 года, первые признаки реставрации начались через семнадцать лет. После революции нашего времени этот процесс подзатянулся. Вот уже четверть века продолжается вялотекущая либеральная революция. Хотя некоторые реставрационные признаки безусловно происходят. Это — неотвратимый закон. Двух подряд революций не бывает, даже если кому-то этого очень хочется.

А потому взывать к революции тогда, когда этого хочется, а не тогда, когда это объективно необходимо, когда в обществе мучительно и трудно идут реставрационные процессы, значит дезориентировать людей, отвращать их от участия в этих реставрационных процессах.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАСКОЛА

Видимо, мы действительно переживаем теперь какой-то, пока неведомый, но очень важный период своего цивилизационного существования, когда окончательно уяснилось, что теми материалистическими понятиями и представлениями, которыми оперировали ранее, объяснить человека невозможно. Ведь человек объяснялся в основном как социальное явление, а не духовное. А он — не «материальная скотина» (Н. Гоголь). Наиболее пронизательные умы ищут сегодня духовный смысл нашей истории и нашей жизни. Это время утраты и обретения смысла своего существования. Видимо, действительно «Время беззаветной веры в моральный и социальный прогресс человечества, добытый с помощью позитивного знания, уходит» (А. Щипков. «Литературная газета», № 19, 2018).

Причём, этот невнятный период касается не только России. Это некое общемировое явление утраты смыслов, та «мировая чепуха» (А. Блок), которая обернулась в своё время Первой мировой войной.

На этом фоне для нас всё усложняется тем, что состояние и положение страны в нашем общественном сознании до сих пор не определено. Прошла четверть века после очередной революции в России, на этот раз либеральной, со всеми её родовыми признаками, когда «разрешаются» вопросы власти, собственности и идеологии. Но и столько времени спустя, в общественном сознании так до сих пор и нет консолидированного ответа на вопрос о том, что же именно у нас произошло — «контрреволюция» или новая «революция»? Решили, что это не столь уж и важно... Но за каждым из этих понятий стоит прямо противоположный порядок вещей, действий и образа жизни. А жизнь необъяснённая проваливается в небытие...

Кто скажет, не является ли этот, наш материалистический период в истории человеческой цивилизации, всего лишь кратким эпизодом, неким малым зигзагом мировой истории? Да и что всего лишь двести лет растления духа и бунта разума в сравнении с бесконечностью жизни?.. Ведь мы надеемся жить, надеемся на то, что перебрédём эту моровую полосу «опаснейшей из болезней государственного и общечеловеческого целого» (Н. Бердяев).

Совсем иное, чем у революционеров, понимание революции и Гражданской войны предстаёт со страниц «Тихого Дона» М. А. Шолохова. Иное понимание жизни вообще. Вся жизнь в романе протекает по православно-церковному, народному календарю. Всё делается непременно с Богом и крестным знамением. Друг друга приветствуют не иначе, как с именем Божиим: «Здорово ночевали. Здорово живёте — Слава Богу». Чинно семействами идут в церковь. Солдаты становятся на молитву.

От вечерни в грозу, крестясь, спешат старухи. Даже детская припевка со Христом: «Дождик, дождик, пропусти./ Мы подем во кусты./ Богу молитца./ Христу поклонница». Божье имя не сходит с уст казаков, что называется на бытовом уровне: «Царица небесная, прости меня грешника», «Заброди с Богом», «Истинный Бог — правда». Даже потом, когда шла жизнь на «сбыв», и человека убивали не иначе, как перекрестясь...

То или иное событие, то или иное дело связывается не с днём месяца, не с числом, а с тем или иным «праздником»: «С Троицы начался луговой покос», «На осенний мясоед назначили свадьбу», «После Покрова стоял выпавший снег», «Ростепель держалась до Михайлова дня», «На второй день Рождества взломало Дон», «До Пасхи о войне не было ни слуху, ни духу»...

Крестное знамение сопровождает человека с рождения до смерти. И даже после смерти остаётся с ним... Иногда кажется и вовсе дежурное, по привычке, вроде бы, творимое, оно тем не менее присутствует с человеком постоянно.

Вот и вовсе комическая ситуация. Пантелей Прокофьевич во время сватовства совершает нечто невообразимое. Видимо, от волнения и всей значимости переживаемого момента: «Пантелей Прокофьевич хотел зачем-то перекреститься, но заскорузные клешнявые пальцы, сложившись в крестное знамение и поднявшись до половины следующего пути, изменили форму; большой чёрный когтястый палец против воли хозяина нечаянно просунулся между указательным и средним, и этот бесстыдный узелок пальцев воровато скользнул за оттопыренную полу синего чекмена, а оттуда извлёк схваченную за горло красноголовую бутылку».

И — другое крестное знамение, которое осталось с казаком и после его смерти: «Григорий глянул на третью подводу. Он не угадал мёртвого, но руку с восковыми жёлтыми от табака пальцами приметил. Она свисала с саней, чертила тальний снег пальцами, перед смертью сложенными в крестное знамение».

В разных видах сопровождает человека крестное знамение. Но совсем другая жизнь наступает, когда его не бывает, когда его забывают или когда оно перестаёт что-либо значить...

Это был мир, уклад жизни, складывающийся веками. И этот такой, казалось, незблемый и прочный мир подлежал уничтожению. Уже рушился на глазах. И люди не знали и не понимали, почему это происходит. Не могли поверить в то, что такое может быть... Что предлагалось вместо него, взамен? Да, новое. Но, разве лучшее и более совершенное? Нет. Предлагался мир без Бога. Но этого никак, ни при каких обстоятельствах не могли принять люди. Вот первопричина трагедии. Не сопротивляться такому безумию люди не могли. Толкователи же «Тихого Дона» зачастую представляли, да и представляют дело так, что казаки по своей отсталости не могли различить, а значит и принять, якобы благотворную «новую жизнь».

Удивительным и невероятным, а по тем временам, кажется, и вовсе невозможным является то, что в «Тихом Доне» М. А. Шолохов приводит молитвы. Три молитвы: «Молитва от ружья», «Молитва от боя» и «Молитва при набеге». Казаки — второочередники с хутора Татарского отправляются на войну, на фронт. Ночевали они на хуторе Ея. Хозяин — высокий дряхлый дед, участник турецкой войны стал наставлять их, как надо вести себя в бою, чтобы уцелеть, остаться в живых. Для этого «надо человечью правду блюсть». Правда же эта состояла в том, чтобы чужого на войне не брать, женщин упаси бог трогать, а ещё молитву такую знать, которая уберёжёт от смерти. И старик убеждал казаков во всеисильности молитвы своим опытом и примером: «Смерть за плечами, как перемётная сума, висела, и жив остался через эту молитву».

Казачи усердно переписывали молитвы, хотя и не все из них. Привязывали их на гайтаны повыше нательных крестов: «Увезли казаки под нательными рубахами списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родной земли, но смерть пятнала и тех, кто возил с собою молитвы». Но те, кто оставался жив, нисколько не сомневались в том, что спасли их именно молитвы...

Можно понять удивление Сергея Семанова. Это действительно загадочно: как в «безбожную пятилетку» и во время новых гонений на православие и Церковь, могли быть вообще опубликованы молитвы в «Тихом Доне»: «Почему такое случилось, шолоховцами не объяснено. Полагаем, что без сил небесных тут не обошлось». Ну, конечно же, всё в руке Божией. Только ответ на этот вопрос вовсе не обязательно ждать от «шолоховедов», тем более от тех из них, кто просмотрел ранее и эти молитвы в романе и вообще библейскую основу «Тихого Дона». На него скорее могли бы ответить богословы, философы, психологи. Ведь заповеди Божии хорошо известны, никакой тайны не составляют. И весь вопрос в том, как человеку в них поверить.

Что же касается до обстоятельств публикации молитв в «Тихом Доне», то они могли быть такими. Редакторы и издатели, для которых эти молитвы равным счётом ничего не значили, что-то вроде пережитка прошлого, могли пропустить их в качестве примера и назидания. Смотрите, мол, в какую «глупость» ещё совсем недавно верили тёмные, необразованные люди, пока свет «нового мира», воссиявший вместе с революцией, не «вразумил» их... Хотя и при такой логике вопрос Сергея Семанова всё-таки остаётся...

Как видно по всему, М. А. Шолохов основательно думал над тем, какие именно богослужебные и церковные тексты приводить в романе. Вот и молитвы приводит, не какие-то расхожие, а редкие: «Пример крепкой народной памяти на указанные молитвы, обнародованные Шолоховым в «Тихом Доне» просто потрясает. Не обнаруженные в известных науке изданиях (у Майкова и др.), они вдруг записываются в идентичном шолоховскому варианту в 1962 году. И не на Дону, а в деревне Рубцово Архангельской области от Вишняковой А. С. 1888 года рождения (см. «Русские заговоры и заклинания»), Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. Под редакцией проф. В. П. Аникина — М., издательство МГУ, 1998, № 2394, 2397, 2399» (Владимир Васильев).

Да, конечно, нехорошо, коль простоватый, весёлый, нравственно здоровый человек Прохор Зыков, доведённый нуждой до крайности, пустил Библию на самокрутки: «Новый завет был, такая святая книжка — тоже искурил, Старый завет искурил. Мало этих заветов святые угодники написали». Можно увидеть в этом и кощунство. Но это ещё не беда. Жизнь от этого ещё не сдвинулась со своей основы. Ведь есть дед Гришака, который хранит и знает Священное Писание, примеряет его на происходящие события, вразумляет людей. Беда наступает тогда, когда хранитель веры, народного духа дед Гришака как мученик погибает за веру. Но это свидетельствует о торжестве веры, а не о её пресечении...

Среди хуторян, как и всегда, как и везде, есть и такие, которым Бог только мешал. Скажем, такие как Дарья: «Мне он, Бог, зараз ни к чему, он мне и так всю жизнь мешал». Но не они определяли и определяют общую жизнь хутора, общества, народа.

В «Тихом Доне» убедительно показано то, как нехотя, что ли, но неизбежно люди отпадают от своей исконной веры. И не сами по себе, но под воздействием внешних влияний и складывающихся обстоятельств. Казаки, уже участвуя в революционном безбожном деле, вместе с тем ещё носят кресты и считают себя верующими. Участники экспедиции Подтёлкова говорят: «Большевики — большевиками, а в Бога веруем».

А «широколицый красногвардеец» похваляется: «Я перед тем, как из Ростова выйти, в церкву ходил и причастие примал». Видимо, это свидетельствует о том, что люди ещё не знают, что совместить одно с другим невозможно. А, может быть, представить не могут, поверить не могут, что такое вообще может быть, когда, как великое благо и необходимость, их будут жёстко и свирепо понуждать огнём и мечом отречься от Бога. Да и как в это поверить, если это невозможно, если такого меж людьми быть не может. Но невозможное оказалось возможным. Ну а потом уже осеняли себя крестным знамением перед тем, как убить человека. «Врага», разумеется.

Как бы прологом к предстоящим вскоре трагическим судьбам казаков предстаёт Страстная неделя или Великая седмица. В народе её называли ещё Страшной неделей: «В ночь на Пасху небо затянуло черногрудыми тучами, накрапывал дождь. Отсыревшая темнота давила хутор... Подмерные удары церковного колокола отбивали «двенадцать евангелий». Это последняя неделя великого поста, предшествующая Пасхе, посвящённая страданиям Спасителя. Торжественное богослужение этой недели, установленное в древние времена, следует евангельской истории земной жизни Христа. Страстные Евангелия — это благовестие о страданиях и смерти Христа, выбранное из всех евангелистов и разделённое на двенадцать чтений, по числу часов ночи. Это указывает на то, что верующие должны всю ночь провести в слушании евангелий, подобно апостолам, сопровождавшим Христа в Гефсиманский сад. Но казаки ещё не знали, что совсем скоро этот страшный путь Спасителя станет и их путём... Предстоящие трагические испытания сравниваются со страданиями Спасителя, уподобляются им. Это и есть страдания Христовы, выпавшие теперь и им.

Вовсе не случайно, что одновременно со страстным всеношным стоянием в храме, параллельно М. А. Шолохов изображает и другую жизнь, незримо проходившую в хуторе. Вечером в завалухе Косой Лукешки, у которой квартировал Штокман, собирався разный люд. После долгого отсева, отбираются самые недалёкие и ничтожные, человек десять казаков. Среди них, «Штокман был сердцевиной, упрямо двигался он к одному ему известной цели». Сначала резались в подкидного дурака. Потом Штокман «подсунул» книжку Некрасова, затем Никитина. А потом он «подложил» запретную, «гнусного вида беспереплётную тетрадку» — «Краткая история донского казачества», в которой было писано и про Пугачёва, и про Разина, и про Кондратия Булавина. «Добрались и до крайних времён», до казачества вообще: «Доступно и зло безвестный автор высмеивал скудную казачью жизнь, издевался над порядками и управлением, над царской властью и над самими казаками, нанявшимися к монархам в опричники. Заволновались, заспорили».

Так, в малом кругу казаков во главе со Штокманом зарождалась крамола, готовая поразить весь казачий мир. Ведь и одна заразная бактерия может погубить весь здоровый организм.

Здесь в высшей мере примечательно то, что поводом и причиной для волнения и возмущения немногих казаков стала их собственная история, искажённая и тенденциозно изложенная, а также русская литература...

Революция в России носила все признаки иноверного завоевания народа и страны. Во всяком случае, была предпринята попытка такого завоевания. Отсюда, главным образом, весь трагизм происходящего. Ведь так просто духовная и культурная идентичность личности и историческая ориентация страны и народа не меняются. Ну а как же иначе можно расценить то, что снизвергалась прежде всего народная вера, православие, разрушались храмы, а вместо веры с жестокостью и остервенением насаждалась марксистская революционная «теория», которая, якобы могла объяснить человека. На это революционеры обычно отвечают: а кто всё это делал, сами

и делали... Да нет, не так. Десятилетиями, в течение почти двух веков — в культуре, в литературе, в образовании, в воспитании исподволь насаждалось революционное, каинитское сознание, которым в конце концов, люди не могли не быть отравлены. И когда они начали бесноваться, указуют на них и говорят: так они сами... Как это происходит, как берутся люди «из среды другого народа», описано в Библии. Там — опыт тысячелетий жизни человечества. Потому Библия и запрещалась, что содержала этот опыт, который революционерам мешал, обнажал всю несостоятельность их «теории».

В этом отношении примечательна и удивительна тайна вёшенского восстания, которому в «Тихом Доне» уделено столь много внимания и места. Никакой тайны, конечно, нет. Всё убедительно представлено в своём истинном смысле в романе. Тайной она является в том смысле, что так и не стала достоянием общественного сознания, так и не постигнута историками, литераторами, толкователями революции и Гражданской войны в России...

В самом деле, коль монархия оказалась свергнутой, государственность разрушенной, надо было как-то выходить из революционного анархизма. Здесь и стало проявляться то творчество масс, о котором революционеры столь много говорили. В казачестве родилась «формула»: «Советы без коммунистов». То есть против советской власти казаки не выступали: «Воевать нам с вами не из чего. Мы не против Советской власти, а против коммуны...». Более того, оставили Советы, как форму власти, даже в обращении слово «товарищ» оставили. Даже в знаках различия попытались соединить, примирить «красное» и «белое»: на папахах крестом красная и белая нашивки. Но были против идеологии, которая отрицает веру и Бога. Открыли фронт, по получили геноцид казачества: «Вёшенская — как окружная станица — стала центром восстания. После долгих споров и толков решили сохранить прежнюю структуру власти. В состав окружного исполкома выбрали наиболее уважаемых казаков, преимущественно молодых... Были образованы в станицах и хуторах советы, и, как ни странно, осталось в обиходе даже, некогда ругательное, слово «товарищ». Был кинут и демагогический лозунг: «За Советскую власть, но против коммуны, расстрелов и грабежей». Поэтому-то на папахах повстанцев вместо одной нашивки или перевязки — белой — появилось две: белая накрест с красной...».

Казалось бы, что это новое народное государственное творчество, новая власть будет всячески поддерживать. Но она, блюдя «чистоту» революционной теории, в которой не было места народу, и повела с ним жесточайшую борьбу. «Чистота» теории для неё была дороже самого народа... Такое самоуправление народа революционной власти, оказывается, было не нужно, так как нарушало «чистоту» революционной теории. Вышколенный на таких представлениях Мишка Кошевой, не управлять собирается, а делать совсем иное. Способный лишь на то, чтобы в революции и в войне найти какие-то свои личные выгоды, он, наконец оказался у власти, не зная, что с нею делать: «Боже мой, каким же сукиным сыном был он всё это время, когда рылся в земле, не поднимая головы и по-настоящему не вслушиваясь в то, что творилось кругом... Злой донельзя на себя, на всё окружающее, Мишка встал из-за стола, оправил гимнастёрку, сказал, глядя в пространство, не разжимая зубов: «Я вам, голуби, покажу, что такое Советская власть!».

И показывал. И показывали такие же недалёкие люди, как он, вышколенные Штокманами.

Удивителен персонаж в «Тихом Доне» — дед Гришака, дед жены Григория Мелехова Натальи. Он участвовал в турецкой кампании 1877 года. За боевые отличия под Плевной и Рошичем имел два Георгия и Георгиевскую медаль. Доживал век свой

у сына Мирона. Пользовался на хуторе всеобщим уважением за ясный до старости ум, неподкупную честность и хлебосольство. Дед Гришака всё время читает Библию, Евангелие. Под образами у него — стопка церковных книг. Близким это его чтение Священного Писания не вполне понятно. Сноха его, жена сына Мирона, Лукинишна так и говорит Григорию: «Живой, а кубыть трюшки умом начал мешаться. Так и сидит дни-ночи напролёт святое писание читает. Иной раз загутарит-загутарит, да так всё непонятно, церковным языком...» Таким «тронутым» он кажется снохе. В хуторе же он пользовался всеобщим уважением именно «за ясный до старости ум». Но дед Гришака хотя и жил неприметно и «остатки жизни тратил на воспоминания», не только читал Библию, но давал свою оценку происходящему с высоты постигнутого им в Священном Писании. Чутко улавливал перемены, происходящие в жизни, распознавал их истинное значение, что остальным было пока неизвестно. Дед Гришака был хранителем духовной основы этой жизни. И как потом выяснится — мучеником за веру, погибая от руки ретивого революционера Мишки Кошевого, со словами Священного Писания на устах...

Григорий Мелехов зашёл проведать деда. Дед Гришака был непременно с Библией: «В горенке сидел дед Гришака, читал затрёпанное, закапанное воском, в кожаном переплёте Евангелие». Читал же он церковные книги основательно, отмечая наиболее важное. В таких книгах никаких помет делать нельзя. А потому отмечали то или иное место воском. Потому в романе Евангелие — «закапанное воском». Дед Гришака — в народном мире, изображённом в «Тихом Доне», занимает особое и исключительное положение. Он значимей и превышает даже священников. Вот он негодует в связи с тем, что поп плохо правит службу в храме, «никудашний служака» и видит в этом знак и признак ослабления веры: «Беда!». А вот священник, отправляющийся на фронт, в полковые духовники, наоборот, говорит о том, что вера в народе крепнет: «Семья, знаете ли, бедный приход. Вот и еду в полковые духовники. Русский народ не может без веры. И год от года, знаете ли, вера крепнет». Прямо противоположная оценка происходящего в действительности. Прав оказался дед Гришака.

«Дед Гришака держал на коленях Библию. Из-под очков в позеленевшей медной оправе он глянул на Григория, открыл в улыбке белозубый рот:

— Служивый? Целенький? Оборонил Господь от лихой пули? Ну, слава Богу. Садись».

И тут между ними происходит примечательный разговор о Библии. И о жизни, о происходящем в ней. Дед Гришака, который «топтал землю шестьдесят девять лет», говорит Григорию, что ему «ить уже под сто пошло». Смее утверждать, что этот их разговор является основным, ключевым для уяснения духовного смысла «Тихого Дона».

Дед Гришака спрашивает Григория и сам же отвечает: «А через чего воюете? Сами не понимаете! По Божьему указанию всё вершится. Мирон наш через чего смерть принял? Через то, что супротив Бога шёл, народ бунтовал супротив власти. А всякая власть — от Бога. Хучь она и анчихристова, а всё одно Богом данная». Замечу, что ранее дед Гришака говорил иначе, только о том, что эта власть антихристова...

И тогда дед Гришака начинает читать Григорию книгу пророка Иеремии — «Слово, которое изрёк Господь о Вавилоне и о земле Халдеев через Иеремию пророка», не сомневаясь в том, что это про наши времена Библия гласит... Приведу это место «Тихого Дона», где цитируется книга пророка Иеремии и в виду его чрезвычайной важности для понимания основного смысла романа и потому, что этого текста читатели не найдут ни в одном современном издании Библии, как, впрочем, не найдут и в дореволюционных её изданиях. И у них есть редкий случай сравнить текст книги

пророка Иеремию, приведённый в «Тихом Доне» М. А. Шолоховым с доступными им изданиями Библии. В «Тихом Доне» написано так:

— Ты не смеись, поганец! Людей на смерть водишь, супротив власти поднял. Грех великий примаешь, а зубы тут нечего скалить! Ась?.. Ну, вот то-то и оно. Всё одно вас изнистожут, а заодно и нас. Бог — он вам свою стезю укажет. Это не про наши смутные времена Библия гласит? А ну, слухай, зараз прочту тебе от Еремии — про рока сказание...

Старик жёлтым пальцем перелистал жёлтые страницы Библии; замедленно, отделивая слог от слога, стал читать:

— «Возвестите во языцех, и слышано сотворите, воздвигните знамение, возопийте, и не скрывайте, рцйте: пленён бысть Вавилон, посрамися Вил, победися Миродах, посрамишася изваяния его, сокрушишася кумиры их. Яко прииде нань язык от севера, той положит землю его в запустение, и не будет живяй в ней от человека даже и до скота: подвигнушася, *отидоша*... Уразумел, Гришака? С севера придут и вязы вам, вавилонщикам, посворачивают. И дале слухай: «В тыя дни, и в то время, глаголет Господь, приидут сынове Израилевы тии, *и сынове Иудины вкупе ходяще и плачуще* пойдут, и Господа Бога своего възыщут. Овцы погибшие быша людие мои, пастыри их совратиша их, и сотвориша сокрытися по горам: с горы на холм ходиша».

— Это к чему же? Как понять? — спросил Григорий, плохо понимавший церковнославянский язык.

— К тому, поганец, что бегать вам, смутителям, по горам. Затем, что вы не пастыри казакам, а сами хуже бестолочи — баранов, не разумеете, что творите... Слухай дале: «Забыша ложа своего, вси обретающи их снедаху их». И это в точку! Вша вас не гложет зараз?

— От вши спасенья нету, — признался Григорий.

— Вот оно и подходит в точку. Дале: «И врази их рекоша: не пощадим их, зане согрешиша Господу... Отыдите от среды Вавилона, *и от земли Халдейски изыдите*, и будете яко козлица пред овцами. Яко се аз воздвигну, и приведу на Вавилон собрания языков великих от земли полунощныя, *и ополчатся нань: оттуда пленён будет*, яко же стрела мужа силна искусна не возвратится праздна. *И будет земля Халдейска в разграбление, вси грабители ея наполнятся*, глаголет Господь: Зане веселитесь и велеречиваете, расхищающе наследие моё...».

— Дед Григорий! Ты бы мне русским языком пересказал, а то мне непонятно, — перебил Григорий.

Но старик пожевал губами, поглядел на него отсутствующим взглядом, сказал:

— Зараз кончу, слухай: «...Скакаете бо яко тельцы на траве, и бодосте яко же вольты: Поругана бысть мати ваша зело, и посрамися родившая вас: се последняя во языцех пуста и непроходна, и суха. От гнева Господня не поживут вовек: но будет весь в запустение, и всяк ходяй сквозе Вавилон подивится, *и позвиждет над всякою язвою его*». (Выделено мной — П.Т.)

— Как же это понять? — снова спросил Григорий, ощущая лёгкую досаду. Дед Гришака не отвечал, закрыл Библию и прилёг на лежанку».

Григорий, раздосадованный не только непонятными словами Библии, но и на самого деда Гришаку, вышел из горенки. И нашёл сначала всему этому простое, расхожее объяснение: «И вот сроду люди так, — думал Григорий, выходя из горенки. — Смолоду бесуются, водку жрут и к другим грехам прикладываются, а под старость, что ни лютей смолоду был, то больше начинает за Бога хорониться. Вот хучь бы и дед Гришака. Зубы — как у волка. Говорят, молодым, как пришёл со службы, все бабы в хуторе от него плакали, и летучие, и катучие — все были его. А зараз... Ну, уж ежели

мне доведётся до старости дожить, я эту хреновину не буду читать! Я до библиев не охотник».

Тот факт, что человек к старости приходит к Богу, является, по сути, одним из доказательств бытия Божия. Перейдя море житейское, немало нагрешив, как и дед Гришака, по мнению Григория, человек обращается к Богу. Не из одного же страха и беспокойства перед конечностью человеческой жизни, пред вечностью, разумом непостижимой. Мог бы обратиться к какой-то высшей силе вообще. Но человек обращается к Богу.

И всё же потом, возвращаясь с Натальей от тёщи, думал о разговоре с дедом Гришакой о таинственных, непонятных «речениях» Библии. Шли, чужие друг другу больше, чем когда бы то ни было. Наталья естественно злилась на Григория, так как ей стало известно, что на фронте он пьянствовал и гулял. Григорий принимает её упреки, ссылаясь на то, что и «вся жизнь похитнулась» и на то, что всё у него «помутилось в голове...». Но вместе с тем, услышанное от деда Гришаки, соотносит с происходящим и с собой: «Вот и твой дед Гришака по Библии читал и говорит, что, мол, неверно мы свершили, не надо бы восставать. Батю твоего ругал». На это Наталья сердито ответила: «Дед — он уже умом рухнул! Теперь твой черёд». Расстроенный непониманием, Григорий говорит о своём состоянии: «Я сам себе страшный стал... В душу ко мне глянть, а там чернота, как в пустом колодезе...».

Эта важная сцена беседы Григория с дедом Гришакой противостоит в романе другой — гибели деда Гришаки. Он ведь читал Священное Писание не только Григорию Мелехову, но и Мишке Кошевому. Более того, Кошевому читал не только из книги пророка Иеремии, но и из книги пророка Исаии. Но тот, в отличие от Григория, не задумался над услышанным, над таинственными «речениями» Библии, а просто застрелил старика — хранителя духовной основы жизни. Застрелил потому, что этот мудрец и пророк мешал ему строить «новую» жизнь без Бога.

Но это место в «Тихом Доне» примечательно ещё одной важной особенностью. Дело в том, что текст книги пророка Иеремии, приведённый М. А. Шолоховым в романе, не совпадает с современными изданиями Библии, как, впрочем, и с дореволюционными...

В музее-заповеднике М. А. Шолохова в станице Вёшенской, как я узнал, никаких изданий Библии не оказалось. Но я нашёл издание Библии, текст которой совпадает с тем, который приведён М. А. Шолоховым в «Тихом Доне». Нашёл в частном собрании, у одного моего доброго московского товарища. Это — «Библия сиречь книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завета». Это — переиздание Библии 1666 года, вышедшее в 1751 году. Но в таком случае это, уже само по себе, многое изменяет в понимании «Тихого Дона» вообще.

Эта Библия вышла в год знаменитого церковного Собора 1666–1667 годов. Собор растрог и проклял Аввакума в Успенском соборе Кремля. В 1667 году на Соборе вселенские патриархи произнесли анафему всем, кто не согласился с исправлением богослужебных книг и не принимал новую обрядность. Раскол Русской православной церкви и последовавший за ним раскол русского народа на две непримиримые части состоялся. Это мрачное дело продолжат цари Алексей, Фёдор, Софья, Пётр I...

Библия же эта — до «реформенная». То есть, та, по которой жили старообрядцы. Нет никаких оснований утверждать, что М. А. Шолохов читал именно это её издание. Он читал такую же, находящуюся в этой, старообрядческой традиции. До Алексеевско-Никоновской «правки», точнее, порчи церковных и богослужебных книг.

Совершенно ясно, что М. А. Шолохов в работе над «Тихим Доном» обратился именно к такой Библии вовсе не случайно. Уже самим выбором её писатель однозначно

и ясно указал, какой духовной, исторической традиции в истории России он придерживается. Кроме того, тем самым, он не просто сравнил Раскол с новой революционной катастрофой России, но показал последнюю, как неизбежное продолжение Раскола. Это, пожалуй, самый главный мировоззренческий аспект «Тихого Дона». Подтверждений ему множество в тексте романа. Вот почему столь часто в «Тихом Доне» встречаются казаки-староверы, причём в связи с разрешением самых важных и принципиальных вопросов. Эти, отстоящие друг от друга на два с половиной века трагедии — Раскол и революция — носили все признаки духовной агрессии и катастрофы.

Для такого их сопоставления и уподобления есть все основания. Ведь и феномен российского казачества оформился окончательно после Раскола, в результате его. А потому постижение революционной трагедии русского народа через трагедию казачества стало для писателя естественным.

Революционное крушение России в начале XX века является прямым следствием Раскола Русской православной Церкви и народа в XVII веке и продолжением его. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) видел прямую взаимосвязь между двумя этими несчастьями Церкви, народа и государства: «Расколом принято называть происшедшее во второй половине XVII века отделение от господствующей Православной церкви части верующих, получивших название старообрядцев или раскольников. Значение Раскола в русской истории определяется тем, что он являет собой видимую отправную точку духовных нестроений и смут, завершившихся в начале XX века разгромом русской православной государственности».

Да об этом прямо говорится в тексте «Тихого Дона»: «В угрюмом молчании слушали могучую песню потомки вольных казаков, позорно отступавшие, разбитые в бесславной войне против русского народа».

Вот тут действительно невозможно не прийти в изумление. Как могло так произойти, как случилось, что всё это было опубликовано в столь безбожное время, при тотально господствующей атеистической идеологии?.. Видимо потому, что революционеры состояли не из одних таких как Мишка Кошевой, видевших в революции лишь возможность самоопределения. И не из одних таких, неистовых, как Штокман, который, двигался к одному ему известной «цели». Среди революционеров было немало, действительно образованных людей, хорошо знавших Библию. И они не могли не видеть и не могли не осознавать, что «Тихий Дон» — это приговор их революционному делу... Они могли не допустить его в общественное сознание. Но если публикация «Тихого Дона» всё-таки состоялась, значит, это произошло действительно по Божию Провидению... Нам не дано постичь это своим бедным разумом. Мы можем лишь надеяться на то, что Господь вразумил самых разумных из революционеров. И поскольку Божие дело нам неведомо, мы можем предположить логику таких возможных революционеров, от которых зависело обнародование «Тихого Дона».

Да, «Тихий Дон» М. А. Шолохова — это приговор революции, происходящему сейчас. И появление его теперь нежелательно, так как будет не мобилизовывать людей, а наоборот отвращать их от борьбы за светлое будущее. Но по самому большому человеческому, цивилизационному, историческому счёту писатель с Дона Шолохов, неизвестно откуда взявшийся, которого, после всего происшедшего в России, вроде, и быть не должно, — безусловно прав... В мировом, в библейском значении эти революции и смуты имеют именно такой смысл, какими он их изобразил... Но мы-то думаем быть не только «сегодня», но и всегда.. А потому не будем гонителями истины. То, что он сделал, уже никуда не денешь, уже не утаишь. Спрячем пока истинный смысл его писания за его истолкованием, таким, чтобы большинство людей не поняли и не догадались о том, что постиг и что явил им этот человек...

Надо хотя бы кратко назвать причины Раскола — самой большой трагедии в истории русского народа. Его характер и особенности. И его значение в нашей многотрудной истории вплоть до сегодняшнего дня, ссылаясь на обстоятельные исследования последнего времени.

Всё началось с так называемого византийского соблазна или как ещё называют эту блажь, — византийской прелестью. Возникла идея, совершенно неосуществимая, что было ясно уже при её возникновении, — объединить весь православный мир под единое государственное начало. Создать Великую Греко-Российскую восточную империю со столицей в Константинополе, возглавляемую русским царём. При этом произошла подмена русской идеи, согласно которой Москва — Третий Рим — выступала хранительницей чистоты православной веры. Эта же идея объединения была истолкована чисто политически. Но для этой цели надо было унифицировать русскую и греческую церковные практики. Причём, по образцу греческой. Привести в согласии с греческой обрядность и главное — правку церковных и богослужебных книг.

Совершенно справедливо пишет Б. П. Кутузов, что это был форменный церковный погром: «Реформа была навязана Русской Церкви искусственно, реформа не обоснована ни богословски, ни канонически... является по сути преступлением по отношению к Русской Церкви и обществу... Для проведения церковной реформы вообще не было никаких оснований. История показала, что константинопольский престол был лишь приманкой, чтобы склонить русских к проведению церковной реформы» («Церковная «реформа» XVII в. как идеологическая диверсия и национальная катастрофа», Барнаул, 2008).

В результате такой «реформы» русский народ раскололся на два враждующих лагеря. Цинизм состоял в том, что людей, устоявших в своей вере, — старообрядцев — обозвали раскольниками, якобы отступивших от веры и якобы виновных в том, что народ оказался расколотым. Староверы жестоко преследовались. Церковная литература была переполнена их обличением. Критика «реформы», вплоть до 1917 года, была невозможной и выставлялась как выступление против официальной церкви.

А. В. Пыжиков отмечает, что «в середине XIX века Россия по сути уже была расколота. Когда в конце 1840-х годов правительство отправило по стране несколько исследовательских комиссий, выяснилась ужасающая картина: миллионы русских людей не считали себя приверженцами официальной церкви и крайне враждебно относились к действующей власти. Целые губернии были охвачены раскольничьей фрондой... По сути, была выстроена вторая, параллельная Россия» («Грани русского раскола», М., Концептуал, 2016).

И только полвека спустя после церковных «реформ» власть озаботилась легализацией Раскола в административном отношении. Акт от 8 февраля 1716 года установил запись и двойное налоговое обложение раскольников — двойной оклад. Со времён Екатерины II государство прекращает давление на староверов. В 1800 году уже при Павле I было учреждено единоверие, особая форма отношений синодальной церкви и староверов. И только в 1971 году поместный собор Русской православной церкви отменил клятвы, анафематствования старого обряда. Но и до сих пор в нашем научно-историческом обиходе старообрядчество выставляется как нечто маргинальное, якобы не затрагивающее основ духовной и государственной жизни, «в трудах учёных оно традиционно предстаёт в качестве некоего этнографического чулана, откуда время от времени извлекаются свидетельства далёкой старины» (А. В. Пыжиков). Даже трёхтомный энциклопедический словарь «Христианство» и после Собора 1971 года, пытается убедить мирян, что «старообрядчество есть последование церковной старине в той области, которая касается не существа веры, а внешней церковной жизни, то

есть всего того, что относится к церковному чину и благоуукрашению, а равно и церковным обычаям» (т. 2, М., Большая Российская Энциклопедия, 1995).

Вячеслав Козляков в книге «Царь Алексей Тишайший» пишет: «Сторонники старой веры тоже ни в чём не отличались от адептов появившегося официального православия» (М., «Молодая гвардия», ЖЗЛ, 2018). Такая вот историческая «толерантность», говорящая о том, что истинно верующие люди, отстаивать свою веру не должны... Между тем, как честным исследователям давно было ясно: «На вопрос: кто вызвал раскол русской Церкви, кто расколол её, отвечает история и выносит в лице своих наиболее объективных исследователей старообрядчеству оправдательный приговор» (И. А. Кириллов. «Правда старой веры», Барнаул, 2008). Книга написана в 1914 году.

Выдающийся философ, мыслитель нашего времени А. С. Панарин писал: «Церковный раскол XVII века породил опасную цивилизационную трещину в России. Настоящим хранителем цивилизационной самобытности России стала старообрядческая оппозиционная церковь. При этом любителям отождествлять самобытность с косностью и отсталостью следует сразу же напомнить: наиболее перспективные эволюционные сдвиги в России, связанные с зарождением народного предпринимательства, самодеятельного, не зависящего от власти гражданского общества, твёрдого в правилах «третьего сословия», имели своей социокультурной основой именно старообрядчество. Оно породило по-настоящему крепкие и яркие характеры: устойчивые нормы поведения, высокую мотивированность. Напротив, противоположная, сразу же ставшая политически и идеологически господствующей сторона, участвующая в расколе, дала «господскую церковь», в которой канона и ритуала с самого начала было больше, чем подлинной веры» («На перепутье (Новые вехи)», М., «Логос», 1999).

Этот малый экскурс в судьбу и историю старообрядчества совершенно необходим для прочтения «Тихого Дона». Из него видно, что старообрядчество занимает центральное место в русском народном самосознании. И главное — М. А. Шолохов в революционной трагедии своего времени видел продолжение Раскола, покушение на народные начала жизни. И в своём романе «Тихий Дон» он изображает, как это нестроение совершается и как человеком преодолевается.

Когда уже стало ясно, что чему противостоит в этой расстраивавшейся жизни, когда вполне определились, кто есть кто в этой, как говорит писатель, войне против русского народа, он третью книгу «Тихого Дона», вроде бы вдруг, начинает с эпического описания «великого раздела», начало которого «намечалось ещё сотни лет назад... Только в 1918 году история окончательно разделила верховцев с низовцами». Говорится о «великом разделе» между верховцами и низовцами, но соотносится этот раздел с тем расколом народа, который произошёл от раскола Церкви.

Именно казак-старовер, подводчик даёт оценку деятельности революционеров — Штокмана, Ивана Алексеевича, Мишки Кошевого. Они выехали из хутора Чеботарёва в Усть-Хопёрскую. Штокман начал разговор с подводчиком с пустяков. Но скоро перешли к главному. Казак-старовер и говорит: «Ваша власть справедливая, только вы трошки неправильно сделали...». На недоуменный вопрос Штокмана подводчик отвечает: «Потеснили вы казаков, надурили, а то бы вашей власти износу не было. Дурасного народу у вас много, через это и восстание получилось». И далее казак-старовер рассказывает, как в станице Букановской комиссар Малкин расстреливает казаков, несправедливо обращается с народом, что «этот Малкин чужими жизнями, как Бог распоряжается»... Примечательно, что по представлению подводчика Малкин этот самодурствует, а такие права ему от Советской власти не даны: «Мандаты, небось, нету на такие подобные дела...».

В церковной «реформе» XVII века правка богослужебных книг, «книжная справа» занимает центральное место. Б. П. Кутузов пишет, что «шла не правка книг, а их

порча». И подтверждает это конкретными текстуальными примерами. Кроме того, как неопровержимо доказано исследователями, источником, образцом для правки были не древние рукописи из Византии, а современные греческие книги, напечатанные в Париже и в Венеции. Это уже однозначно говорит о том, что эта «правка» была предпринята как духовная агрессия против Русской православной церкви, русской государственности и русского народа... Потому и остаются труднообъяснимыми та жестокость, с которой эта «реформа» проводилась и то зверство, с которым преследовались «раскольники» настоящими раскольниками и отступниками...

Есть факты поразительные в истории нашей духовности и нашей государственности. Как известно, Иерусалимским патриархом для «правки» книг в Алексеевско-Никоновскую «реформу» был рекомендован Арсений Грек. Он воспитывался в иезуитской коллегии в Риме, неоднократно переходил из православия в латинство и обратно, принимал и магометанство и униатство... То есть, для столь важной работы, как правка церковных книг, — он никак не подходил. Вокруг этого в церковных кругах шла, как видно, борьба: «Его арестовывают и отправляют в Соловецкий монастырь. В 1552 г. прибывший на Соловки Никон освобождает этого еретика и религиозного авантюриста и делает его правщиком и переводчиком богослужебных книг» (Б. П. Кутузов). Факт поразительный, говорящий о том, что эта «книжная справа», действительно, была «идеологической диверсией»...

Но самое удивительное и, казалось бы, невозможное состоит в том, что аналогичная «правка» церковных и богослужебных книг в нашей истории уже была. Когда великий князь Василий III, отец первого русского царя Ивана IV Васильевича Грозного предпринял правку книг, он запросил у афонских старцев прислать ему знающего человека. Был выбран Максим Грек, не знающий ни русского, ни церковно-славянского языков. То есть, опять-таки, для такой работы абсолютно неподготовленный. Два года находясь в Крыму, он готовился к этой миссии, но как оказалось, не книжной, а скорее идеологической и политической. Его келья превратилась в пристанище оппозиционеров к верховной власти. За еретическую правку книг он был осуждён двумя церковными Соборами. Впрочем, почему-то канонизирован в наше время, к 1000-летию Крещения Руси... Эта странная миссия Максима Грека на Руси обстоятельно показана в монографии выдающегося историка И. Я. Фроянова «Драма русской истории» (М., Издательский дом «Парад», 2007). В монографии так же даны текстологические примеры «правки» книг Максимом Греком...

Однотипность этих миссий, этих «книжных справ» говорит сама за себя.

А потому на вопрос о том, какую Библию читал М. А. Шолохов, работая над «Тихим Доном», следует ответить, что писатель читал настоящую Библию, не правленную в Алексеевско-Никоновскую «реформу». Ведь даже те отрывки из книги пророка Иеремии, которые приведены в «Тихом Доне», в сравнении с современными изданиями Библии, как, и с дореволюционными, вызывает множество вопросов, свидетельствует, мягко говоря, о небрежном отношении к тексту Священного Писания.

Приведу только некоторые примеры. В современных изданиях Библии: «Возвестите и разгласите между народами и поднимите знамя». В Библии 1666 года, текст которой совпадает с шолоховским: «воздвигните знамение». Совершенно ясно, что это не одно и то же. В назидание поверженным вавилонцам говорится о том, что они прыгали, резвились бездумно как телята и бодались как волы, вот и пришла им за это расплата, отмщение: «Скакаете яко тельцы на траве и бодосте яко же волы». В нынешних текстах: «Прыгали от радости, как телица на траве, и ржали как боевые кони». В первоисточнике, как видим, вовсе не телица, а телята, и откуда-то взялись боевые кони. Такая замена ничем не оправдана, так как волы — животные жертвенные...

Вот павший, разрушенный Вавилон в современных изданиях Библии: «Всякий, проходящий через Вавилон изумится и посвищет на все язы его». Непонятно, почему всякий, увидевший развалины Вавилона, посвищет. В первоисточнике: «Всяк ходяй сквозь Вавилон подивится и позвиждет над всякою языо его». Позвиждет — это, видимо, — позвиздание — осмеяние, освистание. То есть, всякий проходящий через развалины Вавилона, освищет его, в смысле — осмеёт.

Есть и принципиальнейшие расхождения в переводах Библии, имеющие важное значение для понимания Божеского устройства мира. В ныне издаваемых переводах Библии говорится о том, что Господь раскаялся в том, что сотворил человека на земле: «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своём» (Бытие, 6; 6). То есть, Бог якобы совершил «ошибку», создав человека, которую потом «исправляет», изгоняя первых людей из рая, допуская братоубийство Каином Авеля, посылая, наводя водный Потоп, чтобы все, что есть на земле лишилось жизни: «И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил... ибо Я раскаялся, что создал их» (Бытие, 6;7).

Но Господь не раскаивался в том, что сотворил человека на земле. Истинно верующий человек не может даже мысли допустить о том, что Бог может совершить «ошибку». Это невозможно. Он размышлял о том, как сотворить человека. Вот как в оригинале, мало чем сходном с переводами: «И помысли Бог, *яко сотвори* человека на земли, *и размысли*». То есть и подумал Бог, как сотворить человека, и поразмышлял. Иными словами, Господь думает о том, как сотворить человека. Но он не раскаивается в своём творении. Господь не говорит, как именно Он создал человека, Он говорит лишь о том, что сотворяя человека, Он хорошо подумал, а значит, таким именно человек и должен быть, каким Он его создал.

Но и сегодня православные читают о «раскаянии» Господа, допуская мысль, что Он может «ошибаться». Если допустить, что Он «ошибался», создав человека, то «можно» подвергнуть сомнению и сотворённый им мир и начать его «переделывать» по своему усмотрению... Вот где таится мировоззренческий исток «оправдания» бунта против Бога. Но Господь однозначно говорит о том, что созданный Им мир, будет существовать вечно: «Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Бытие, 8; 22).

Приводя в «Тихом Доне» истинный, неуправленный текст Священного Писания, М. А. Шолохов, разумеется, знал, чем отличается дореформенный текст Библии, что это была за борьба, в результате которой, такая «книжная справа» была всё-таки совершена. Знал, что это была борьба против православия и русской государственности. Об этом однозначно свидетельствует сам текст «Тихого Дона».

Продолжение следует.

